

ДЕМОКРАТИЯ КАК АТРИБУТ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЁ ИЗЪЯНЫ

© 2014 г. Михаил Николаевич Марченко¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся понятия демократии, форм ее проявления как атрибута правового государства, ее роли в жизни общества и государства.

Annotation: the article has deal with the problems concerning the nation of democracy, forms of its action and with its role in society and state.

Ключевые слова: демократия, правовое государство, оппозиция, народ, власть.

Key words: democracy, legal state, opposition, people, power.

1. Если не все, то во всяком случае значительная часть традиционных, а тем более современных, государственно-правовых теорий, стремясь подчеркнуть свою прогрессивность, актуальность и социальную значимость, непременно апеллирует к демократии – к “демократической природе” рассматриваемых явлений, институтов и учреждений, к их “демократическим” основам, характеру и т.д.

Теория правового, так же как и наиболее близко примыкающая к ней теория социального государства, в этом плане не является исключением, поскольку наделяет рассматриваемое современное государственное образование *не только правовыми, но и демократическими свойствами и чертами*.

Правовой характер современного “демократического” государства, отмечается в связи с этим в научной литературе, состоит в том, что оно основано на субъективных правах: праве народа быть единственным источником государственной власти и неотчуждаемых правах и свободах человека и гражданина. Соответственно, права человека и народный суверенитет выступают основными критериями, которые предопределяют легитимность законодательного процесса и качество законодательства в демократическом правовом государстве².

В чем проявляется демократический характер “современного” правового государства?

И более общий, предварительный вопрос: что имеется в виду, когда применительно к правовому государству или к любому другому институту применяются термины “демократический”, “демократия” и проч.? По подсчетам некоторых авторов, в настоящее время к определению “демократия” насчитывается более двухсот подходов³. Естественно, что каждый из них претендует на объективность и социальную значимость.

Не касаясь всех сторон данного феномена, требующего отдельного монографического рассмотрения⁴, обратим внимание лишь на некоторые из них, соотносящиеся с идентификацией “демократии” и с её разноречивым проявлением в жизни общества и государства.

2. Широко известно, что “демократия” как явление и понятие всегда вызывала к себе живой интерес со стороны исследователей разных стран – представителей различных политических течений и идеологических учений.

Пытаясь определить, что она собой представляет, многие западные исследователи утверждают, что демократия – это: а) прямое или косвенное (через выборных представителей) управление страной самими людьми; б) государство, страна, сообщество, имеющие демократическое правительство; в) правление большинства; г) восприятие и реализация принципа равенства прав

¹ Заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

² См.: Петришин А.В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // Правоведение. 2010. № 3. С. 12.

³ См.: Понтер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 53.

⁴ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992; Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993; Нудненко Л.А. Теория демократии. М., 2011; Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии // Гос. управление. 2002. № 11; и др.

и свобод граждан, а также их возможностей⁵. Исходным в подобных определениях и суждениях является тезис о том, что первоначально демократия, зародившись в Греции, в современном ее понимании дословно означала “народовластие” (от *demos* – народ и *kratos* – власть). Этот же смысл вкладывается в данные термин и понятие и ныне⁶.

В отечественной научной литературе при рассмотрении понятия и содержания демократии авторы исходят из традиционного представления о ней как о *народовластии*. Но, в отличие от западных авторов, основной акцент при ее определении зачастую ставится не на правах и свободах граждан или других ее атрибутах, таких как участие граждан в управлении делами общества и государства, а на *особом характере формы государства*. Демократия есть не что иное, как “форма государства, основанная на признании народа источником власти, его права участвовать в решении государственных дел, в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод”⁷.

Это не означает, что из поля зрения отечественных исследователей выпадают другие стороны и проявления демократии. Рассматривая ее под разными углами зрения и с позиций различных наук – философии, социологии, истории, политологии и др., многие авторы определяют демократию как особый политический режим, как атрибут государства, характеризующийся “принадлежностью народу всей полноты власти, реальной возможностью трудящихся управлять обществом и государством через созданные и контролируемые ими государственные и общественные организации”⁸.

Существуют и многие другие подходы и представления о демократии. Каждый из них по-своему раскрывает понятие демократии, и каждый заслуживает определенного внимания.

У такого сложного, многостороннего и внутренне противоречивого явления и понятия, как “демократия”, нет и не может быть простого и к тому же “единственно правильного” определения и представления. Исходное же определение демократии как народовластия или формы государства не может в полной мере удовлетворить ни теоретические (интеллектуальные) потребно-

сти общества или его отдельных представителей, ни их практические запросы. Ибо представление о демократии как о форме государства является *весьма односторонним*, определение ее как народовластия – слишком общим, требующим определенной детализации и “расшифровки”, в том числе применительно к правовому государству.

К тому же нельзя упускать из поля зрения тот немаловажный факт, что среди авторов, занимающихся проблемами демократии, нет четко согласующегося с реальной действительностью представления ни о “демосе” – носителе власти, ни о “кратосе” – понятии, содержании и основных признаках самой власти. Все это затрудняет, с одной стороны, глубокое и разностороннее понимание демократии как *реально существующего в той или иной стране явления*, а с другой – проведение грани и, соответственно, недопущение смешения демократии как научного феномена с *псевдodemократией как идеологическим и пропагандистским явлением*.

На самом деле, можно ли свести к единому, удовлетворяющему всех пониманию и толкованию демократии как народовластия, если одно из его слагаемых – *народ* в условиях рабовладельческого строя исключал из своего состава такую огромную часть населения, как рабы? В условиях феодального строя из него исключались крепостные крестьяне. В более поздний период в соответствии, например, с широко распространенным в мире марксистским пониманием народа из его состава исключались господствующие в обществе эксплуататорские группы и классы. Понятием “народ” при таком подходе охватывались лишь те социальные слои, группы и классы, “которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества”. Это главным образом “трудящиеся массы – творец истории, ведущая сила коренных общественных преобразований”⁹.

В настоящее время под народом понимается “в обычном смысле – население государства, страны; в научном смысле – это исторически изменяющаяся общность людей, включающая в себя ту часть, те слои, те классы населения, которые по своему объективному положению способны сообщать участвовать в решении задач прогрессивного развития данной страны в данный период”¹⁰.

Аналогично обстоит дело и со второй составной частью демократии как народовластия – *с властью*, которая в одних случаях сводится

⁵ См.: Webster's New Universal Unabridged Dictionary. N.Y., 1993. P. 483.

⁶ См., например: *Holdan B.* The Nature of Democracy. L., 1974; *Sinclair D.* Democracy and Participation of Athens. Cambridge, 1989.

⁷ Сов. энциклопедический словарь. М., 1980. С. 378.

⁸ *Корельский В.М.* Теоретические проблемы социалистической государственной власти и демократии. Свердловск, 1972. С. 27.

⁹ Сов. энциклопедический словарь. С. 870.

¹⁰ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2009. С. 414.

главным образом только к государственному феномену (государственная власть, законодательная, исполнительная, судебная власть), а в других – к более широкому политическому явлению (политическая власть в обществе). В третьих случаях власть, а вместе с ней и демократия ассоциируются со всем обществом, со всей общественно-политической властью.

Отсутствие единого или хотя бы весьма общего представления о демократии, ее понятии, сущности и содержании открывает огромные возможности для произвольного ее толкования и именования демократическими всех тех государств, правящих режимов и политических систем, которые, по сути, никогда не были таковыми. Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что в современную эпоху, именуемую эпохой демократии, не было и нет такого государства или правящего режима, которые ни причисляли бы себя к народным, демократическим, действующим от имени всех своих граждан и в интересах всех.

3. Это говорит в первую очередь о том, что во избежание злоупотребления “демократией” и в целях ее более рационального и эффективного использования, не имея ее единого определения, весьма важным является выработать о ней хотя бы общее представление. Последнее может складываться из выработанных веками и подтвержденных самой жизнью ее признаков и черт, характерных особенностей. Среди них необходимо выделить прежде всего следующие:

1) демократия всегда ассоциируется с народом, его волей и интересами – с народовластием. Понятие народа, власти, а следовательно, и демократии имеет преходящий, исторический характер. По мере развития общества, государства и права меняются не только представления о народе и власти, но и об ассоциирующейся с ними демократии, а также о ее идеологах и сторонниках – демократах;

2) демократия в реальной жизни выступает как сложное и многогранное явление, материализующееся в самых различных сферах жизни и имеющее поистине бесчисленные пути и способы своего проявления. Она отнюдь не сводится лишь к политической сфере жизни общества или государства, как это иногда трактуется в литературе, а распространяется также и на другие сферы: экономическую, социальную, культурную, научную, идеологическую. В зависимости от того, в каких сферах жизни общества и деятельности государства проявляется демократия, обычно говорят и о соответствующих видах демократии. Когда же она проявляется в сфере экономики, социальной жизни общества или же в области идеологии, то,

соответственно, *имеется в виду экономическая, социальная и “идеологическая” демократия;*

3) исходя из взаимосвязи и взаимодействия различных сфер “приложения” и видов демократии, а также ее различных путей, форм и способов проявления, о демократии как явлении в каждой отдельно взятой стране можно говорить не как о случайном наборе демократических проявлений, институтов и учреждений, а как о некоей их системе.

Составными частями или структурными элементами такой системы в зависимости от аспекта исследования, а также уровня (своего рода “срезы”) рассматриваемой системы могут выступать, например, отдельные разновидности демократии: демократия внутрипартийная, государственная, профсоюзная и т.д. Они проявляются как первичные (по своему объему, содержанию, месту в системе и социальному назначению) элементы, непосредственно образующие *общую систему демократии* и выступающие по отношению к ней как подсистемы.

Кроме выделения первичных элементов общей системы демократии возможно также выделение и ее вторичных элементов, которые непосредственно образуют в результате своей взаимосвязи и взаимодействия частные системы (подсистемы) демократии. В качестве такого рода вторичных элементов общей системы демократии на уровне рассмотрения форм внутренней организации и внешнего проявления демократии можно назвать различные демократические (партийные, государственные и общественные) институты и учреждения; на уровне содержания демократии, соответственно, ее различные принципы (выборность, подотчетность, гласность, сменяемость, коллективность руководства и др.), традиции демократии, различные социальные нормы, конституирующие демократические институты и учреждения и содержащие в себе демократические права и свободы граждан;

4) в реальной действительности у разных слоев общества, имеющих различные, а тем более несовместимые друг с другом ценности и интересы, нет и не может быть общих для всех идеалов демократии. У каждого из них свои идеалы, свое представление о демосе и кратосе, о гуманизме и справедливости в установлении и осуществлении власти, о “подлинной” демократии;

5) в соответствии с издавна сложившимся представлением о демократии она традиционно квалифицируется как *власть большинства членов общества или всего народа.*

Однако рассмотрение демократии в теоретическом плане как власти всего народа или большинства членов общества вовсе не означает, как показывает общественно-политическая практика, что в *реальной жизни* эта власть фактически осуществляется всем народом или его большинством. Об этом свидетельствует уже сам факт передачи власти народом – ее источником государству – ее носителю в лице относительно немногочисленного по сравнению с численностью народа “особого слоя людей”.

Именно этот “особый слой людей”, именуемый “элитой”, – в одних случаях, правящим классом” или “политическим классом” – в других, “государственной бюрократией”, обслуживающей крупный бизнес, – в третьих случаях, в повседневной жизни практически не всегда с одинаковым результатом, зависящим от уровня его добросовестности и профессионализма, но всегда “демократически” управляет обществом и государством, осуществляя таким образом власть.

Во всех без исключения обществах, писал в своей работе под названием “Правящий класс”¹¹ Г. Моска, “существуют два класса людей: класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизировать власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма”¹².

Опираясь на основные положения теории элитизма, многие американские исследователи приходят к твердому, не вызывающему никаких сомнений выводу, что “Америкой управляют отнюдь не массы, а элита”¹³ и что “ключевые политические, экономические и другие социально значимые решения принимаются очень узкой группой людей”¹⁴.

Среди особенностей того, что именуется элитизмом в США – “правовом государстве” и в других им подобных образованиях, не исключая постсоветской России, авторы указывают на сле-

дующее: а) “деление общества на тех немногих, у кого в руках власть, и тех многих, у кого ее нет”; б) правящая элита “формируется преимущественно из высшей социально-экономической страты общества”; в) элита поддерживает “консенсус” с другими слоями общества на основе “базовых ценностей, которые доминируют в социальной системе, и сохранения самой системы”; г) проводимая в стране политика “отражает *преимущественные требования и интересы элиты, а не всего общества, народных масс*”; д) в повседневной жизни “элита оказывает гораздо большее влияние на общество (массу), нежели общество на нее”; и др.¹⁵

Анализируя западную и современную отечественную литературу, посвященную проблемам демократического развития общества и государства, не исключая того, которое именуется правовым, нельзя не заметить, что во многих весьма серьезных исследованиях наряду с традиционным принципом “демократического большинства” все большее внимание уделяется принципу “фактически правящего в современном обществе меньшинства”, так называемой теории “демократического элитизма” и проч.¹⁶

Одна из причин усиления подобной тенденции заключается, по-видимому, в том, что академическое сообщество, сталкиваясь с реальностью, все больше осознает тот факт, что вопреки заверениям власть имущих и их идеологов о повышении благосостояния масс по мере развития глобализации и регионализации оправдываются выводы и предсказания известного французского социального психолога Г. Лебона, сделанные им еще в начале XX в. относительно того, что “не к равенству идут народы, но к большему неравенству”¹⁷.

Причем этот “неизбежный результат цивилизации – дифференциация индивидов и рас”¹⁸ касается не отдельных, а всех без исключения сфер жизни человеческого сообщества, включая власть и управление, доступ к которым большинства членов общества по мере развития цивилизации и углубления “дифференциации”, а проще – неравенства людей, не только не расширяется, а наоборот, все более сужается.

В этой связи нельзя в принципе не согласиться с мнением А.Д. Керимова по поводу того, что *современным миром правит меньшинство*, в том числе и в тех сферах общественной жизне-

¹¹ Mosca G. The Ruling Class. N.Y., 1939.

¹² Моска Г. Правящий класс // История политических и правовых учений. Хрестоматия. С. 850.

¹³ Dye Th. and Zeigler L. The Irony of Democracy. Belont, 1980. P. 1.

¹⁴ Dahl R. Power, Pluralism and Democracy: a Modest proposal. N.Y., 1964. P. 3.

¹⁵ См.: Dye Th. and Zeigler L. Op. cit. P. 6.

¹⁶ См.: Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. Boston, 1997.

¹⁷ Лебон Г. Психология толп. М., 1998. С. 119.

¹⁸ Там же.

деятельности, “где есть иллюзия властвования большинства”, и что “правление немногих, меньшинства, осуществляемое в тех или иных формах в интересах большинства или вопреки им, имманентно присуще всем социальным организациям и представляет собой один из основополагающих законов их функционирования”¹⁹.

Правление большинства, так же как и “чистая” демократия – “демократия всех и для всех”, есть своего рода *идеал, один из наиболее совершенных принципов*, реализация которого согласно сложившемуся представлению о демократии неизменно ассоциируется с поступательным развитием общества и совершенствованием его государственной организации, не исключая (в том числе) гражданское общество и правовое государство.

4. Помимо отмеченных признаков и черт, свойственных демократии как одному из атрибутов правового государства, весьма важной ее особенностью является наличие в системе государственной власти и управления *политической оппозиции*.

В отечественной и зарубежной литературе (особенно в последние годы) вопросам оппозиции уделяется довольно значительное внимание, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и защищенные диссертации по данной тематике²⁰.

Наряду с общетеоретическими вопросами, касающимися понятия политической оппозиции, форм ее организации и проявления, правового статуса оппозиции и ее конституционного закрепления, исследователи затрагивают в ряде случаев и конкретные вопросы, имеющие прямое отношение к деятельности оппозиции в России и некоторых других странах. Вполне оправданным представляется в связи с этим рассмотрение политической оппозиции не только самой по себе, но и в контексте политической конкуренции, которая, по справедливому замечанию С.В. Васильевой, обстоятельно рассматривающей данную проблематику, “как и экономическая, должна развиваться по определенным правилам”²¹.

Отдавая должное обстоятельным исследованиям политической оппозиции как неотъемлемого атрибута демократии и, соответственно, правового государства, вместе с тем нельзя не заметить, что во многих работах, если не в подавляющем их большинстве, под политической оппозицией в основном понимается так называемая *лояльная* к существующему режиму, *ручная*, нередко *искусственно созданная властями* *предержащими оппозиция*.

Однако наряду с лояльной оппозицией во многих политических системах, особенно в тех, где имеется глубокий разрыв в жизненном уровне различных слоев населения, существует легально или нелегально другая по своей природе и характеру политическая оппозиция, именуемая *радикальной*.

В отличие от лояльной оппозиции, основной целью которой являются *удержание власти имущими слоями общества* и сохранение при определенной кадровой “рокировке” существующей экономической и социально-политической системы, *радикальная оппозиция* потому и называется радикальной, что преследует совершенно иные, противоположные цели, а именно: если не полную замену существующего экономического и социально-политического строя новым строем, то, минимум, для начала – его глубокое реформирование.

В тех странах, где имеются соответствующие условия, радикальная оппозиция достигает своих целей сугубо мирным, легальным с точки зрения действующего в стране позитивного права путем. Там же, где нет подобных условий, цели достигаются не мирным, а революционным путем. Примерами тому могут служить Великая французская революция, Великая Октябрьская социалистическая революция и другие подобного рода исторические события, приводящие к радикальному изменению типа и форм собственности (один из основных вопросов революции) и собственников в лице государства или иных субъектов права, к переходу власти от одного слоя, класса и т.п. к другому, к радикальным изменениям во всех сферах жизни общества.

Что касается *лояльной оппозиции*, то она *организационно вписывается в существующую политическую систему* и по большому счету выполняет роль “страховочного пояса” одной части – стоящего у власти слоя или класса другой его частью. В случае утраты доверия и разочарования населения первой частью в результате всеобщих и, естественно, всегда “демократических” выборов, поскольку “грязные технологии” не в счет, ей на смену приходит вторая ее часть, и наоборот.

¹⁹ Керимов А.Д. Некоторые проблемы теории государства. Учеб. пос. М., 2005. С. 7.

²⁰ См.: Саенко Г.В. Политическая оппозиция как социальное явление в общественной жизни современной России (конец 80-х – 90-е гг.). Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. М., 1996; Миронов Н. Институционализация политической оппозиции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. № 4; Пономарев К.Н. Политическая оппозиция как атрибут демократии. Казань, 2004; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. М., 2004; и др.

²¹ Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010. С. 28.

Этот на первый взгляд кажущийся и в настоящий период развития общества нескончаемый демократический, а точнее псевдодемократический, процесс длится до тех пор, пока на политической авансцене не появится и не скажет свое слово, как это было в свое время в предреволюционной Англии, Франции, России и ряде других стран, радикальная оппозиция²².

В качестве одного из примеров долголетнего существования и весьма успешного с точки зрения удержания власти *одной и той же незначительной частью общества* (“элитой”) – представителями крупного капитала, которая “всегда выделялась из общей массы людей” и концентрировала в себе основные ресурсы нации²³, может служить *американская система лояльной оппозиции*.

Как известно, в основе ее лежит система двух политических – Республиканской и Демократической – партий, созданных *фактически на одной и той же социальной базе* и в силу этого, судя по их предвыборным программам, принципиально отличающихся друг от друга в такой же мере, как кока-кола отличается от пепси-колы.

Тем не менее, обладая огромными финансовыми, медийными и иными возможностями, они блокируют появление на политической арене страны каких бы то ни было влиятельных чужеродных элементов и, сменяя друг друга у руля государственной машины, обеспечивают тем самым перманентную власть одного и того же “элитарного” слоя, или класса. Эта власть вместе со своими носителями, отмечает американский исследователь Г. Рейнольдс в своей статье “Похожа ли демократия на секс?”, не только реализуется на различных исторических отрезках времени, но и постоянно “воспроизводится” (“репродуцируется” – *reproduction*) и передается “по наследству” из поколения в поколение²⁴.

По примеру США и некоторых других западных государств в постсоветской России предпринимались попытки создания лояльной оппозиции, в частности, в лице партии “Справедливая Россия” и некоторых других политических партий. Однако их “оппозиционность” по отношению к правящей партии “Единая Россия” и к “элите”, стоящей у власти, *зачастую сводилась лишь к имитации* (нередко весьма очевидной и непрофессиональной) *этой самой “оппозиционности”*. Настоящая

же цель их формирования и их назначение заключаются в *создании подстраховочного механизма удержания власти и поддержке проводимого в стране с начала 90-х годов разорительного для подавляющей части общества прозападного либерального курса*.

Кроме того, не менее важной целью формирования и функционирования в стране нескольких политических партий, одна из которых находится у власти, а другая – в “оппозиции”, является сугубо идеологическая, своего рода “пропагандистская” цель: показать “истинно” демократический характер существующей в стране системы власти и конституционно провозглашенного в постсоветской России правового государства; способствовать формированию представления о том, что демократия во всех ее формах и проявлениях выступает как неотъемлемый атрибут данного государственного образования.

5. Идентифицируя демократию как один из атрибутов правового государства и анализируя ее роль в жизни государственно-организованного общества, исследователями презюмируется, что в условиях демократии наряду с другими ее особенностями, в отличие от недемократических режимов, каждый дееспособный член общества – *гражданин является одновременно не только объектом, но и субъектом власти и управления*²⁵. Если олигархия, подчеркивал Аристотель, – “такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные”, то “демократия – тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных”²⁶.

Исторический опыт многовекового существования и функционирования государственных и негосударственных институтов, построенных на демократических принципах, со всей очевидностью свидетельствует о несомненных преимуществах демократии как *формы* государственной власти и управления, как *средства* разрешения возникающих в государственно-правовой сфере политических и иных конфликтов, как *способа* согласования существующих в обществе противоречивых интересов, и др.

²² Подробнее об этом см.: Кошен О. Малый народ и революция. Сб. статей об истоках Французской революции. М., 2004.

²³ См.: Dye Th., Zeigler L. Op. cit. P. 6.

²⁴ См.: Reynolds G. Democracy Like Sex? // Vanderbilt Law Review. 1995. Vol. 48. № 6. P. 1635–1661.

²⁵ Подробнее об этом см.: Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999. С. 139–144; Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Под ред. Т.А. Сошниковой. М., 2009. С. 6–17; Права человека и современное государственно-правовое развитие / Отв. ред. А.Г. Светланов. М., 2007. С. 287–301; и др.

²⁶ Аристотель. Политика // История политических и правовых учений. Хрестоматия. С. 155.

Однако, отдавая должное демократии во всех ее ипостасях, проявляющихся как в правовом, так и в доправовом государстве, значение ее, тем не менее, не следует преувеличивать, а саму демократию не следует идеализировать. Не стоит уподобляться, как верно подмечается в отечественной литературе, “многим социально-политическим концепциям, равно как и общественному мнению в цивилизованных странах”, которым “свойственна идеализация демократии, взгляд на нее исключительно сквозь призму присущих ей достоинств”²⁷. Ибо наряду с несомненными достоинствами демократии у нее, как свидетельствует общественно-политическая практика, имеется целый ряд столь же очевидных недостатков и изъянов.

В числе последних исследователи нередко указывают на то, что демократия в ряде случаев, особенно тогда, когда слабы ее государственные и иные гарантии, порождает у индивидов состояние некоторой двойственности и незащищенности.

Поскольку в эпоху демократии и равенства, писал по этому поводу А. Токвиль, “никто не обязан оказывать содействие ближнему, так же как никто не вправе рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидум является одновременно и независимым, и незащищенным”. Эти два состояния, пояснял автор, “которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие дает ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны”²⁸. В демократических обществах, заключает исследователь, люди нередко “могут быть одновременно и гордыми, и рабски покорными”²⁹.

Важным изъяном демократии помимо вопреки сложившемуся о ней представлению как о власти всего народа или его большинства фактически *выступает власть в виде меньшинства*, она к тому же не гарантирует, что среди этого меньшинства не окажется большая или меньшая часть случайных, профессионально не подготовленных для управления страной или же вовсе не достойных по морально-этическим и иным причинам людей.

Отмечая, что “демократии всегда не хватает способности выбрать достойных людей”, а также “желания и склонности к этому”, Токвиль приходил к выводу о том, что “природа демократии такова, что она заставляет народные массы не подпускать выдающихся людей к власти”, а эти люди, в свою очередь, “движимые не менее сильным природным чувством, бегут от политической карьеры, где трудно оставаться самим собой и идти по жизни, не оскверняясь”³⁰.

Данное весьма важное и весьма знаковое положение, позволяющее глубже понять смысл демократии и правового государства, относится не только к реалиям XIX в., когда оно было сформулировано автором, но и к современной действительности. И касается оно не только Америки, на материалах общественно-политической жизни которой Токвиль написал содержащую данное положение работу, но и других стран, включая современную Россию³¹.

На примере постсоветской России трудно не согласиться с Токвилем, ибо полуразрушенная страна вместе с экономикой и деморализованное общество свидетельствуют о том, что “демократии всегда не хватает способности выбрать достойных”, а тем более “выдающихся” – стратегически мыслящих, профессионально самостоятельных, думающих о будущем своей страны в первую очередь, а не о личных и “семейных” интересах³² людей.

Трудно, в частности, если вообще возможно, понять с точки зрения здравого смысла и профессионализма, почему в стране при наличии первоклассных специалистов разного профиля сельским хозяйством “управляет” инженер-путеец, медик или юрист; военное ведомство возглавляет специалист по продаже мебели, а наукой и образованием “рулят” люди, имеющие, судя по результатам их “руководящей деятельности”, весьма слабое представление о “временно доверенной” в их управление отрасли³³.

Не будучи профессионально подготовленным, как показывает печальный опыт постсоветской России и некоторых других “цивилизованных”

³⁰ Там же. С. 162.

³¹ См.: Тарасов Е. Будут ли во главе России стоять настоящие государственные деятели? Как России остаться в XXI веке государством? // Независимая газ. 2001. 12 марта. С. 3.

³² См.: Ельцин. Семья. Десять лет спустя // Аргументы и факты. 2009. № 52. С. 10; Коржаков А. Сажать их можно по алфавиту // Там же. 2009. № 35. С. 15; и др.

³³ См. подробнее: Воронов В. Стоп, кадр! “Кадровый резерв” президента Медведева – люди не на своем месте, завалившие уже не один участок работы // Совершенно секретно. 2010. № 2. С. 10–12.

²⁷ Керимов А.Д. Изъяны демократии и возможные пути их преодоления // Право и политика. 2002. № 4 (28). С. 41.

²⁸ Токвиль А. О демократии в Америке. М., 2000. С. 158.

²⁹ Там же. С. 159.

стран, невозможно успешно управлять отраслью хозяйства, регионом или страной даже при наличии слывающих квалифицированными заместителей и помощников.

Это – аксиома, как и бесспорно то, что во всех таких случаях по логике вещей основной интерес “непроизвольно”, по мере постижения возможностей, которые “заложены” в занимаемой должности, будет перемещаться из общественной, публичной сферы в сферу личных, клановых, семейных и тому подобных интересов. Об этом не только свидетельствует, а весьма громко вопиет (в частности, через средства массовой информации) сложившаяся в отечественном правовом государстве довольно сомнительная с точки зрения элементарной морали “обыденная практика”, в соответствии с которой десятки миллионов “рядовых россиян с трудом сводят концы с концами”, а наиболее деятельные министры “зарабатывают” ежегодно по несколько сотен миллионов рублей³⁴.

Интернет-опрос, проведенный в 2010 г. еженедельником “Аргументы и факты”, показал, что только 14% респондентов на вопрос: “Считаете ли вы себя бедным?” – ответили, что им “на все хватает”; 28% – “хватает только на еду и одежду”, а остальные (71% опрошенных) граждане российского демократического, правового и социального государства безоговорочно отнесли себя к бедным слоям населения³⁵.

6. Наряду с отмеченными изъянами демократии в исследовательской литературе не без оснований указывается также на такой ее порок, как порождение ею, особенно во время выборных кампаний и разного рода массовых мероприятий, элементов популизма и демагогии со стороны как власть имущих, так и оппозиции³⁶.

Разумеется, речь идет прежде всего о политических деятелях “усредненного”, посредственно-го и ниже уровней, которые пытаются привлечь на свою сторону симпатии публики пламенными речами в защиту “сырых и обиженных”, несбыточными обещаниями и т.п.

В отличие от настоящих политических деятелей – государственных мужей, думающих о судьбах своего Отечества, государства и общества, подобного рода “политики” заботятся пре-

имущественно о своей “политической судьбе”. Классическим образцом политической демагогии в современной России могут служить обещания в случае необходимости “дойти до Индийского океана”, защитить обиженных русских от невзгод, построить “социализм XXI в.”³⁷ и др.

Для такого рода “политиков” и их демагогических и популистских творений демократия создает все необходимые условия, служит своеобразным базисом и платформой.

Нужно быть не в меру наивным человеком, чтобы всерьез поверить в то, что, придя к власти, эти “политики” будут “обслуживать” в первую очередь общественные интересы – интересы всего общества и государства, а не свои собственные, корыстные интересы. Хотя предполагается, как справедливо констатируют ученые, что в условиях демократии власть имущие должны непременно действовать в интересах большинства. Но при этом замечают, что “дело так обстоит далеко не всегда”, ибо “пришедшее к власти демократическим путем меньшинство, особенно если оно представлено людьми безнравственными, гораздо охотнее действует в собственных интересах, которые вовсе не обязательно совпадают с общественными”³⁸.

В неспособности демократии обеспечить, чтобы стоящее у власти меньшинство во всех без исключения случаях действовало не только и даже не столько в собственных интересах, сколько в интересах большинства, несомненно, заключается очередной (причем весьма существенный) ее недостаток. Ведь по своей природе и характеру демократия как “власть народа” должна в любых обстоятельствах действовать в интересах большинства, если она действительно является демократией, а не маскирующейся под нее какой-либо олигархией.

Проводя различие между демократией и олигархией, Аристотель указывал наряду с различными интересами, лежащими в их основе, на наличие бедности или богатства, которые эти формы правления и режимы представляют. “То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия”³⁹.

³⁴ См.: Никитина В., Гудкова В. Почем нынче министр? Члены Правительства РФ отчитались о своих доходах // Аргументы и факты. 2009. № 16. С. 4; Костиков В.А. А сейчас, господа, пост... В условиях кризиса власть должна жить скромнее // Там же. 2009. № 1–2. С. 7; и др.

³⁵ См.: Аргументы и факты. 2010. № 18. С. 8.

³⁶ См.: Керимов А.Д. Изъяны демократии и возможные пути их преодоления. С. 39, 40.

³⁷ Миронов С. Социализм XXI века. Октябрьские тезисы // Время новостей. 2007. 11 окт. С. 4.

³⁸ Керимов А.Д. Изъяны демократии и возможные пути их преодоления. С. 39.

³⁹ Аристотель. Политика. Кн. 3. С. 156.

Неспособность или же “нежелание” демократии обеспечить интересы большинства вместе с другими ее изъянами не только не уменьшается, но еще больше усугубляется по мере ее развития и достижения правящим меньшинством от имени большинства если не полной, то весьма значительной самостоятельности и, соответственно, бесконтрольности в решении всех жизненно важных вопросов, касающихся общества и государства.

При возникновении такого рода “режимных условий” правящего меньшинства, как показывает исторический опыт разных стран, общественные интересы полностью подменяются клановыми, “семейными”, узоклассовыми или иными групповыми интересами, что весьма губительно отражается на развитии общества и государства.

“Гибельным и преступным” считал И.А. Ильин “поведение властвующих групп и классов, если они пользуются недееспособностью народа для того, чтобы подменить государственный интерес классовым и удержать народное правосознание на низменном уровне”. Этим, заключал автор, “они готовят беду не только себе, но и всему государству”, поскольку “компрометируют саму идею политического единения”, “воспитывают в народе слепое недоверие ко всякой власти, глухую злобу и темную жадность”; сами возвращают “ту чернь, которая однажды, потеряв страх, попытается упразднить культуру и государство и открыто заменить политическую власть своекорыстным произволом”⁴⁰.

Однако “своекорыстный произвол”, как свидетельствует опыт многих “цивилизованных” стран, имеет место не только тогда, когда чернь, потеряв страх, пытается “упразднить культуру и государство”, но и в других, наиболее благоприятных для “властвующих групп и классов” условиях, когда они сами зачастую с большой охотой и прилежанием творили и творят в рамках “правового демократического” государства этот самый “своекорыстный произвол”.

В этом нетрудно убедиться, в частности, на примерах гонения радикальной оппозиции в США (маккартизм) и других “демократических правовых” государствах в 50-е годы XX столетия. Об этом же свидетельствует сложившаяся в США и некоторых других “демократических” странах к настоящему времени “практика” преследования не согласных с проводимой “властвующими группами и классами” политикой. Конкретным примером могут служить гонения на журналистов,

карьеру которых, по их словам, “обратились в пепел” после того, как они попытались “быть объективными” в оценке агрессивной политики, проводимой властью имущими США в начале 2000-х годов в Ираке⁴¹.

Кроме данных можно привести массу и других им подобных примеров, свидетельствующих о “своекорыстном произволе” властей предрежающих в современных, именующих себя правовыми и демократическими государствах.

Однако не в них самих по себе сейчас дело, а в том, что эти и другие им подобные примеры подтверждают тот неоспоримый факт, что “своекорыстный произвол” в отношении несогласных с политикой правящего меньшинства “от имени и в интересах большинства” – дело не только прошлого в “демократических правовых” государствах, но это и их настоящее. И здесь без политического и идеологического лукавства нечего ни прибавить ни убавить, во-первых. Во-вторых, эти и им подобные примеры свидетельствуют о том, что, пресекая в корне оппозиционно настроенные силы, власть имущие стремятся держать в неведении относительно настоящих целей проводимой ими политики не только своих критически настроенных оппонентов, но и все общество в целом.

При этом демократия в лице правящего меньшинства зачастую не просвещает в политическом плане (на выборах, различных массовых мероприятиях и т.д.) общество, как об этом повествуют ее идеологи, а с помощью односторонне поданной и к тому же изрядно препарированной информации вводит в заблуждение, зомбирует население, делает из него послушное социальное стадо, стремится превратить думающий народ в толпу, а демократию – “власть народа” – в массократию, или толпократию – “власть” во всем послушной ее лидерам неразмышляющей толпы.

Характерными особенностями последней, как свидетельствуют социальные психологи, являются такие как:

а) психологическое подавление индивида и его полное подчинение разбушевавшейся в своих страстях толпе. Поразительный факт, замечают в связи с этим исследователи, заключается в том, что каковы бы ни были индивиды, составляющие толпу, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, их превращения в толпу достаточно для того, чтобы “у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувство-

⁴⁰ Ильин И.А. Теория права и государства / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 281.

⁴¹ См.: Пятилетова Л., Дульман П. Уволенный Америкой // Росс. газ. 2003. 2 апр. С. 3.

вать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности”⁴²;

б) *преобладание в толпе бессознательного над сознательным*. Сознательная жизнь ума в этих условиях, по наблюдению Г. Лебона, “составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью”. В толпе индивид “перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует”. Его состояние “очень напоминает состояние загнивающего субъекта”. Такой субъект вследствие “парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которым гипнотизер управляет по своему произволу”. Сознательная личность у загнивающего совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера⁴³;

в) *в толпе исчезают любые выдающиеся, незаурядные качества индивида и доминируют общие для всех самые заурядные качества*. Такое “соединение заурядных качеств в толпе” и объясняет нам, по мнению автора, почему *толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума*. Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало чем отличаются “от решений, принятых собранием глупцов”, так как и в том и в другом случае “соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума”⁴⁴;

г) *чрезмерная легковёрность толпы и податливость ее внушению*. Всегда блуждая на границе бессознательного, толпа, лишенная всяких критических возможностей, является весьма склонной к восприятию всякого рода легенд, “самых неправдоподобных рассказов”, небылиц, а также к “коллективным галлюцинациям”.

Не нужно даже, чтобы шли столетия после смерти героев, писал Г. Лебон, для того чтобы “воображение толпы видоизменяло их легенду”. Превращение легенды совершается иногда в несколько лет. Так, “при Бурбонах Наполеон изображался каким-то идиллическим филантропом и либералом, другом униженных. Тридцать лет спустя добродушный герой превратился в кровожадного деспота, который завладел вла-

стью и свободой, *погубил три миллиона человек* единственно только для удовлетворения своего тщеславия. Теперь мы присутствуем при новом превращении этой легенды. Когда пройдет еще несколько десятков столетий, ученые будущего ввиду таких противоречивых повествований о герое, быть может, вообще подвергнут сомнению само его существование”.

Аналогично обстоит дело с представлением масс о “национальных героях” не только во Франции, но и в других странах, в том числе и в России. Так, если в советский период с благоговением относились к идеализированному образу основателей Советского государства – Ленину и Сталину и с определенной долей критицизма – к последнему в России “царю-батюшке” Николаю II, то в постсоветский период за неимением новых, такого масштаба “героев” с официальной точки зрения предпринимаются значительные усилия все поменять наоборот: воскресить образ “царя-батюшки” и придать анафеме образ вождей “иронов-коммунистов”;

д) *склонность толпы к впадению в крайности, преувеличениям происходящих событий, к “однородности чувств” и восприятия*. Однородность и преувеличения чувств толпы ведут к тому, что она не ведает ни сомнений, ни колебаний. “Как женщина, толпа всегда впадает в крайности”. Высказанное подозрение тотчас же превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии и неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивиде, “в толпе тотчас же превращается у него в самую свирепую ненависть”⁴⁵.

В толпе индивид приближается, по мнению отдельных социальных психологов, “к примитивным существам”, “дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной”⁴⁶;

е) *заразительность толпы всякого рода митинговыми лозунгами и призывами, осознание ею чувства неодолимой силы, импульсивность, раздражительность, изменчивость в настроениях и мнениях, консерватизм и нетерпимость*;

ж) *авторитарность толпы в своих суждениях*.

Это означает, с одной стороны, что толпа не терпит каких бы то ни было возражений и “прекословий”. Индивид “может перенести противоречие и оспаривание, толпа же их не переносит”. Малейшее публичное прекословие “немедленно

⁴² Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 156, 157.

⁴³ См.: там же. С. 160, 163.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 178.

⁴⁶ Там же. С. 179.

вызывает яростные крики и бурные ругательства в толпе, за которыми следуют действия и изгнание оратора”⁴⁷. С другой стороны, это означает, что толпа сама бывает весьма податливой и восприимчивой по отношению к таким “определенным чувствам”, как авторитарность и нетерпимость, “как только они будут ей навязаны”.

Массы, поясняет в связи с этим Г. Лебон, “уважают только силу, и доброта их мало трогает”, ибо они смотрят на нее как на одну из форм слабости. И далее: “Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей”. Самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним. Если толпа охотно топчет подвергнутого деспота, то это происходит лишь оттого, что, “потеряв силу, деспот этот уже впадает в категорию слабых, которых презирают, потому что их не боятся”⁴⁸.

Наряду с названными социальные психологи выделяют и другие специфические черты и особенности такого социального феномена, как толпа, который формируется и оказывает определенное влияние на процесс развития правового, равно как и любого иного современного государства не без воздействия на него тех или иных изъяснов (в виде демагогии, популизма, несбыточных обещаний политических и общественных деятелей и проч.) демократии.

При этом важно отметить, что разного рода изъясны демократии, по наблюдению исследователей, могут оказывать пагубное влияние не только на отдельные слои населения, а через них – на государство, но и на все общество. “Целый народ под воздействием известных влияний, – подчеркивал Г. Лебон, – иногда становится толпой”⁴⁹. В настоящее время в качестве таких “известных влияний” могут выступать массированное воздействие на сознание масс со

стороны официальной идеологии и пропаганды, оболванивание населения средствами массовой информации, зомбирование его с помощью других находящихся в распоряжении правящих кругов средств.

Постсоветская Россия, так же как и некоторые другие “молодые демократии”, дает множество примеров того, как с помощью телевидения и других средств массовой информации из общества, думающего, много читающего и размышляющего, пытаются вылепить *сугубо потребительское общество*, духовно всеядное, ориентированное на западные ценности, *послушное социальное стадо*, которое представляло бы собой, по замечанию известного социального психолога Г. Тарда, “до некоторой степени явление из царства животных”⁵⁰.

Разумеется, таким обществом до определенного времени, а именно до тех пор, пока оно полностью не осознает, будучи ограбленным в 90-е годы власть имущими постсоветской России и их приближенными, своего унижительного положения⁵¹, относительно легко манипулировать и управлять. Можно даже намеренно или невольно, следуя советам извне, усугублять нынешнее деморализованное состояние общества, в частности, с помощью введения весьма спорной с точки зрения здравого смысла и национальных интересов России системы обучения – дрессировки под названием “ЕГЭ и Болонский процесс”, *не позволяющей воспитывать высокообразованное думающее поколение*⁵². Им тоже в течение определенного времени (но не без конца) можно будет относительно легко манипулировать и управлять. Однако с ним нельзя будет построить ни задекларированное в конституционном порядке правовое и социальное государство, ни гражданское общество. Если, конечно, к этой декларации относиться серьезно на деле, а не на словах.

⁴⁷ Там же. С. 181, 182.

⁴⁸ *Московичи С.* Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998; *Вундт В.* Проблемы психологии народов // В кн.: Преступная толпа. М., 1998; и др.

⁴⁹ *Лебон Г.* Указ. соч. С. 157.

⁵⁰ *Тард Г.* Мнение и толпа. М., 2008. С. 259.

⁵¹ См.: *Окунева О.* По Болонскому счету // Аргументы и факты. 2011. № 28 (269). С. 10.

⁵² См.: *Гранин Д.* Воспитание лакеев // Росс. газ. 2009. 13 янв. С. 1, 9.